

## РОССИЯ–ИТАЛИЯ: ОПЫТ КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

*ВЯЧ. ВС. ИВАНОВ*

### Новелла о соколе в “Декамероне” Джованни Боккаччо и “Сокол” Всеволода Иванова

Автор на примере двух произведений художественной литературы – новеллы Дж. Боккаччо и рассказа Вс. Иванова, – которые посвящены одной теме, связанной с соколиной охотой, демонстрирует особенности “культурных кодов” итальянцев и русских. Показано, насколько феодальная структура России предопределяла возможности личности. В этом русские XVII в., показанные в рассказе Иванова, оказываются более прямыми наследниками древних традиций, нежели итальянцы времен Боккаччо.

**Ключевые слова:** русская литература, итальянская литература, культурные сопоставления, культурная преемственность.

The author on an example of two products of fiction – short stories of J. Boccaccio and the story of Vs. Ivanov, – which are devoted to the same theme connected with a falconry, shows features of “cultural codes” of Italians and Russians. It is shown, how much feudal structure of Russia predetermined possibilities of the person. In it Russians of the XVII-th century shown in the story of Ivanov, appear more lineal heirs of ancient traditions, rather than Italians of times of Boccaccio.

**Keywords:** the Russian literature, Italian literature, cultural comparisons, cultural continuity.

Год Италии в России, отмечаемый в 2011 г. вместе с годом России в Италии, служит поводом еще раз почувствовать поддержанную прошлым прочностью связей наших культур. Ее на собственном опыте ощущал И. Бродский, незадолго до своей смерти работавший над проектом создания Русской Академии в Риме. Он ссылаясь на общеизвестные примеры крупнейших наших писателей, художников и композиторов, таких как Н. Гоголь и А. Иванов, едва ли не лучшее из ими сделанного осуществлявших под непосредственным впечатлением поразивших их образцов итальянского гения. Иосифу не хватило времени полностью довести до конца им задуманное. Пока что Американская Академия в Риме согласилась распространить на нескольких представителей молодого русского искусства свое гостеприимство, и это уже было не раз опробовано. Пользуюсь случаем пожелать, чтобы замысел моего покойного друга был исполнен во всей его широте и избранные русские поэты, зодчие, ваятели могли бы подолгу жить и трудиться в Риме в специально отведенном для того здании, испытывая благотворное воздействие дивного итальянского искусства.

Развить упомянутые мысли Бродского я хотел бы на примере моего отца – писателя Вс. Иванова. Он смог не раз побывать в Италии. Многолетние его близкие отношения с Максимом Горьким сделали возможной длительную поездку по приглашению того в Италию в начале 1930-х гг. Образы итальянских фресок появляются потом в произведениях Иванова. Например, они (как я знаю со слов отца) оказались подтекстом для метафорического изображения утренней зари над крымской горой Карадаг в повести “Вулкан”, первый вариант которой (написанный в 1940 г.), только теперь, 70 лет спустя удалось издать (см. это описание рассвета: [Неизвестный... 2010, с. 314–315]). Писателя особенно вдохновляла Флоренция. Говоря словами О. Мандельштама, ему “в уши, в глаза и в глазницы Флорентийская била тоска” [Мандельштам, 2009, т. 1, с. 234]. Западноевропейские книги с описанием и фотографиями памятников Флоренции были в ивановской городской московской библиотеке. Два персонажа родом из Флоренции и мечтающие о возвращении в нее стали героями рассказа Иванова, которому посвящена эта статья.

По мысли автора рассказа, они оба работали в России по своей специальности – золочении кож и украшению мебели. Рассказ отнесен ко времени царя Алексея Михайловича, когда, по убеждению Иванова, от него мной не раз слышанному, задолго до Петра Великого началось широкое привлечение иностранцев к выполнению российских задач (для интересующихся родословными писателей напомним, что по одной из полумифологических версий в это время как тренер лошадей приглашается шотландец Лермонт, память о чьем легендарном происхождении занимала его великого потомка<sup>1</sup>). Итальянские герои рассказа Иванова заработали достаточно много денег в России и хотели теперь пожить на родине в свое удовольствие. Старший из них – мессер Филипп Андзолетто (для разбора повествования условно его обозначу А-Ит 1) – хотел бы купить гостиницу в центре Флоренции (я склонен думать, что в воображении писателя всплывало место, где он сам останавливался во Флоренции). Беспокойные мысли старшего ремесленника нет-нет да ревниво возвращаются к его ждущей во Флоренции молодой жене и ее прелестям. Младший – Мальпроста (условное обозначение М-Ит 2), – работавший помощником у Филиппа, тоже пребывает в мечтах о любви, но он куда легкомысленнее. Важная для рассказа Иванова тема мужской любви по-разному предстает в помыслах двух героев рассказа – флорентийцев: младший (М-Ит 2) настаивает на вездесущем и основополагающем значении страсти, а богобоязненный старший (А-Ит 1) все твердит молитвы и думает об увеличении своих пожертвований церкви, но тайне не перестает мечтать об утехе, которые обещает общение с молодой женой.

Согласно сюжету, возвращение двух итальянцев домой в 1664 г. затруднено войнами и смутой в Центральной и Северной Европе. Из-за опасности прямого пути они пробуют обходной. Вместе с царскими посланцами они едут в Персию, откуда им придется продолжать путешествие дальше через Турцию. Попутчики флорентийцев – посольство Алексея Михайловича, которое везет от него подарки персидскому шаху. Русский царь посылает тому соколов, сопровождаемых ловчими и стрельцом. Как было известно Иванову из его занятий историей царской охоты<sup>2</sup>, Алексей Михайлович больше других русских царей занимался соколиной охотой, издавна излюбленной и у восточных властителей (в том числе и в Персии). На основании рассказа полагаю, что Иванов знакомился с сочинениями, относящимися к соколиной охоте Алексея Ми-

<sup>1</sup> Ставшие обычными не только для литераторов сопоставления М. Лермонтова и А. Пушкина при расширении области биографических интересов на их чужеземных предков окажутся, таким образом, пересекающимися с различием и сходством эпох Алексея Михайловича (если и еще не более ранней по другой версии) и Петра и воплощенных в двух приезжих геополитических, этнолингвистических и культурных черт – Шотландии и Эфиопии.

<sup>2</sup> Я отлично помню, что на сгоревшей во время войны даче в Перedelкине в большой библиотеке отца с собранием редких книг по истории Русской православной церкви и русской культуры было и монументальное издание “Царской охоты” [Кутепов, 1896–1911]. В сохранившемся издании курса В. Ключевского по истории Петра рукой писателя отчеркнуто место, где приводятся количественные данные о числе соколов и сокольников в угодьях Алексея Михайловича.

хайловича и к написанному при его одобрении или им самим “Уряднику сокольничья пути”, содержащему предписания о проведении царского сокольничьего обряда, и в особенности с заметками С. Аксакова, проясняющими этот текст и отчасти реконструировавшими былые черты соколиной охоты старых времен [Аксаков, 1966]. Объясняя смысл сочинения о “Новом уложении и устройении чина сокольничья пути” Аксаков из него цитировал: “Красносмотрителен же и радостен высокого сокола лёт”. Это русское увлечение соколами Иванов пробует соотнести с тем, что знал из литературы итальянской.

Тема соколиной охоты в рассказе Иванова прямо продолжает и развивает замысел одной из новелл (девятой пятого дня) “Декамерона” Дж. Боккаччо<sup>3</sup>. У самого Боккаччо основная ее фабула формулировалась так: “Federigo... ama, non è amato... un falcone, ilquale... da a mangiare alla sua donna... laqual cio sappiendo mutata di anima il prendo per marito” = “Федериго... любит, но не любим... сокол, которого... он подает на обед своей даме... узнав об этом, она изменяет свои чувства к нему, выходит за него замуж” (цитирую перевод академика А. Веселовского, который использовал Иванов<sup>4</sup>). В написанном в 1944 г. и опубликованном в 1946 г.<sup>5</sup> рассказе “Сокол”, входившем в задуманный в это время цикл “Фантастических рассказов”, Иванов частично передает содержание новеллы из “Декамерона”. Но пересказывает ее младший из его итальянских героев-ремесленников Мальпроста (М-Ит 2).

В их разговоре идет речь о Боккаччо, его сочинениях и биографии, с которой Иванов знакомился по книге Веселовского “Боккаччо, его среда и сверстники” (сохранился его экземпляр этих томов собрания сочинений Веселовского [Веселовский, 1919]. Старший (А-Ит 1) в соответствии с обликом старого ханжи ругает “Декамерон” как книгу безнравственную, но признает ценность последующего возврата Боккаччо к религии (о чем Иванов, скорее всего, судит по биографии, написанной Веселовским). Младший (М-Ит 2) восхищен мастерством рассказчика. Но в его пересказе сюжет изменен. Когда молодой итальянец в тексте Иванова пересказывает новеллу Боккаччо старому, из сюжета изымается мотив больного сына, для которого дама просила дать ей сокола. В этом пересказе не дама внезапно пришла к герою, угостившему ее, за неимением другого подходящего блюда, соколом (как у Боккаччо), а кавалер пришел к даме, велевшей ему съесть сокола. Поэтому пересказываемая история стала похожей на сообщаемый далее рассказ о князе Подзольеве, оба сюжета приравнены друг к другу.

Боккаччо мотив любви дамы к ее единственному сыну использовал для эффектного сюжетного хода: она съедает, не зная что делает, того сокола, которого пришла просить дать ей для сына<sup>6</sup>. Именно трогательность привлекла к сюжету Г. Лонгфелло и А. Тен-

<sup>3</sup> Il Decamerone, Giornata Quinta, Novella Nona (в библиотеке Иванова было итальянское лондонское издание 1757 г. с предисловием М. Виллани – согласно сохранившейся записи на первом томе, все пять томов были куплены в 1920-е гг., когда отец создавал свою огромную библиотеку, за 1500 рублей; любопытно сравнить с похожими ценами этого издания на современном западноевропейском книжном рынке, которые можно видеть по Интернету).

<sup>4</sup> В библиотеке Иванова были оба тома первого этого издания перевода: 1891–1892 гг. (на втором томе – запись вероятно военного времени, когда писался рассказ, – свободные стихи о Чуфут-Кале и караимах). Специальный интерес Иванова к редким книгам может объяснить характер экземпляра, хранившегося в его библиотеке. На нем на обороте титульной страницы запись книжника: “Экземпляр (один из 50) без цензурных пропусков” (орфография советского периода; судя по переплету, книга приобретена Ивановым примерно тогда же, когда и другие упомянутые выше, – все они вместе со многими другими были переплетены в переплеты одного цвета вероятно в самом начале 1930-х гг. Цензурные пропуски в российской практике конца XIX в. и выбор Лондона как места итальянского издания в XVIII в. объясняются непреходящим бунтарством Боккаччо, пугающим власти в разные времена).

<sup>5</sup> Рассказ с помощью старого коллеги по серапионову братству – И. Груздева был напечатан в журнале “Звезда” как раз перед тем, когда журнал был подвергнут разгрому в известном постановлении ЦК и связанных с ним речах А. Жданова и других официальных идеологов. В отношении издания, этой вещи Иванова повезло в отличие от большинства рассказов фантастического цикла, которые автору так и не удалось напечатать при своей жизни (см. [Неизвестный... 2010, с. 509, 514, 636, 728]).

<sup>6</sup> Для интересующихся изучением сюжета в нарратологии – новой науке о законах повествования – напомним: в одной из первых классических работ на эту тему Б. Эйхенбаум показал в сюжетах О. Генри роль

нисона, да и потом детских писателей (в пересказах для юношества). Иванову, как и его молодому итальянскому герою, сентиментальный мотив любви к сыну не нужен: в его фантастических рассказах на первый план выдвигается экзистенциальный абсурд, как в рассказе “Сизиф” (из того же цикла), совпавшем с одновременно написанным текстом А. Камю с тем же названием. Иванов переименовывал Боккаччо, как П. Пазолини в фильме. Но и там, где пересказ верен оригиналу, продолжение различно.

Фабулы сходны в наличии двух персонажей – влюбленного кавалера и дамы. У кавалера есть сокол. Из-за дамы он его съедает или она сама съедает сокола. Это делает возможным их брак. Положение кавалера после этого меняется.

Различие фабул касается и имущественного, и социального положения персонажей. Братья отговаривали вдову выходить замуж за бедняка: “come vuoi tu lui, che non ha cosa del mondo” (“как хочешь ты выйти за человека, у которого нет ничего на свете?”). Напротив, у князя был избыток денег, а “жениться на вдове... считается зазорным у русских” (по словам молодого итальянца). Герой Боккаччо был беден и разорился из-за любви, но женитьба на вдове, унаследовавшей состояние мужа и сына, ему принесла богатство, брак оказался счастливым. Мальпроста сперва ошибается, думая, что и князь во браке счастлив, как был счастлив герой Боккаччо. Но ответ князя это опровергает. Новелла Боккаччо в изложении Мальпроста и рассказ самого Иванова сходны только в начальных частях. Концы у них разные.

У Иванова сверхбогатый князь Подзольев (назовем его условно П-Рус 1) потерял из-за съеденного царского подарка-кречета благоволение государя и с ним возможность реализовать себя, он винит во всем разлюбленную им жену, “нескладную, грубую”, “проклятую”. Он и все вокруг него окутано сумраком его тоски.

Князю Подзольеву, все время горящему из-за царской немилости, в рассказе противостоит умный воевода Одуловский (условное обозначение О-Рус 2), который желает всех развеселить. Князю он внушает (без успеха) житейскую философию приспособления к обстоятельствам: “сиди смирно”. Он пытается проиллюстрировать свою мысль, приводя как пример изображение Ионы в церкви. Умный воевода по поводу пророка Ионы, нисходящего в испод судна, говорит о смирении, но князь его не слушает. Воевода предлагает князю молчать, если он в силах. Но князь остается безучастен.

Оба героя-итальянца, возвращающиеся после работы в России, мечтают о родной Флоренции и о женской любви. Молодой (М-Ит 2) весь в этих мечтаниях, у старого (А-Ит 1) они смешаны с подозрительностью и ревностью к юной супруге. Для молодого и судьба князя интересна как иллюстрация значения любви. Он сочувствует князю в его беде. Для автора важна психология мужчины, думающего о любви (с восторгом, как младший итальянец, со страхом, как Филипп, с разочарованием и озлоблением, как князь Подзольев).

Займствовав у Боккаччо мотив съеденного сокола, Иванов насытил свой рассказ разными временными и географическими вариациями темы соколиной охоты. Остранение взятого из “Декамерона” сюжета с мотивом:

1) **съеденного сокола** ( $C_6$ ) **героя Боккаччо** достигается множественностью упоминаемых и описываемых в рассказе Иванова видов *соколиной охоты*:

2) на судне **государевы соколы** ( $C_{12}$  – **подарок персидскому шаху**);

3) в имении **князя** его соколы ( $C_{кн}$ ), для баловства которых все делается и видны они в деле на охоте;

4) в разговорах не раз говорится о соколе ( $C_{11}$ ) основной фабулы – **подарке государя**, съеденном князем в угоду вдове, за которой он ухаживал;

---

того, что можно назвать недоразумением – вроде того, на котором построен известный и, действительно, типичный для Генри рассказ “Дары волхвов” (муж продает часы, чтобы подарить жене гребенки, а она продает свои волосы, чтобы купить ему цепочку для часов). Это – почти чистая сюжетная схема, нечто в роде алгебраической задачи, под знаки которой можно подставить любые другие факты [Эйхенбаум, 1927]. Кажется, что именно излишний алгебраизм решения, к тому времени часто использовавшегося в литературе, мог заставить Иванова отказаться от сюжетного хода, примененного Боккаччо.

5) но он хочет вырастить другого еще **более удивительного сокола** ( $C_{\text{кн бул}}$ ).

К соколу, съеденному князем, повествование возвращается не раз. “Кречета государева звали Носник. Кречет тот был с севера, а на севере зовут так умельцев, которые проводят судна, лоцманов, знающих русла” (слова князя<sup>7</sup>). О таких дивных кречетах Алексея Михайловича в своих пояснениях к его “Уряднику” пишет Аксаков, чьи слова отзовутся в рассказе Иванова: «Очевидно, что первое место в великолепной соколиной охоте царя Алексея Михайловича занимали кречета; сначала упоминается просто “кречет”, потом “кречатий челиг”... Кречет – птица очень мало известная; ее знают только по слухам или из книг; но я видел в моем ребячестве двух кречетов, уже немолодых, которые доживали свой век у моего отца, бывшего некогда страстным охотником до ловчих птиц. Кречет пером почти белый, стати все имеет соколиные, величиною даже поменьше сокола-утятника. Он очень красив, особенно потому, что чудесные черные соколы глаза его кажутся еще чернее и блещут еще ярче от белого цвета его перьев» [Аксаков, 1966, с. 143]. Думаю, что приведенный отрывок из текста Аксакова может быть ключом к пониманию соответствующих мест рассказа Иванова и тех цветовых описаний соколов, которые в нем дает писатель. В фабуле его повествования откликнулся и ставший широко известным рассказ о гибели любимого сокола Алексея Михайловича по имени Ширяй. Ивановский Носник сконструирован по модели рассказа о Ширяе.

Съев Носника, князь дал, по его словам в разговоре с Мальпроста, возможность жене “пожрать” его жизнь. Два поедания тождественны друг другу. Сокол этой основной фабулы сопоставлен с другими соколами. Мы видим все возможные вариации соколов и их использования (см. табл. 1).

Основная фабула, в отстраненном виде продолжающая переиначенный *мотив съеденного сокола*, взятый у Боккаччо, в ивановском повествовании представлена постепенным введением темы. В начале рассказа появляются на ладье *государевы соколы* (согласно введенной выше символике –  $C_{12}$ ), направляющиеся к новому будущему владельцу – персидскому шаху. Иначе говоря, вводится соколиная охота в ее традиционном русском облики как потеха государя. Мотив *дарения сокола российским царем*, по отношению к предыстории героя становящийся потом главным, с самого начала опрокинут в будущее (в Персию, куда едут герои), а потом найдет себе место в прошлом, остающемся для князя актуальным. Люди на ладье выступают как сопровождающие государевых соколов на их пути к будущему владельцу и как попутчики этой соколиной свиты. История съеденного итальянской дамой сокола (в нашей символике  $C_6$ ) рассказывается (с тем переиначиванием, которое его делает ближе к русскому сюжету Иванова) в разговоре двух итальянцев (А-Ит 1 и М-Ит 2) о Боккаччо. В описание итальянцев на судне и в их разговор вставлены и характеристики их отношения к женщинам и любви: эта вторая тема рассказа начинается тоже с итальянских ее воплощений. По мере приближения ладьи к имению князя Подзолева (П-Рус 1) сюжет двигается к изложению (сперва краткому) истории съеденного князем по приказу будущей жены сокола ( $C_{11}$ ). Рассказывается в общем виде и о соколиной охоте князя ( $C_{\text{кн}}$ ). Она становится предметом подробного описания в той части рассказа, где плывшие на ладье стали гостями князя Подзолева (П-Рус 1) в его имении. Здесь в его разговоре с Мальпроста (М-Ит 2) снова возникает тема съеденного князем царского сокола Носника ( $C_{11}$ ). Из этих бесед и описаний князя возникает и представление о его мечте и будущей цели – том удивительном будущем соколе ( $C_{\text{кн бул}}$ ), которого он намеревается вырастить. В разговорах князя с Мальпроста вырисовывается и картина степени разочарования князя в женщине, ради которой был съеден сокол.

У Боккаччо мотив поедания сокола дважды подготовлен необходимостью: привязанность матери к больному ребенку, его недуг и его влечение к соколу мотивируют ее

<sup>7</sup> В словаре В. Даля, который Иванов хорошо знал, слово “носник” определяется как “матрос, музур или гребец на носу судна; баковый, морское”. Этим же словарем и другими, которыми вероятно пользовался Иванов, подтверждается значение этого диалектного архангельского слова “проводник судна, лоцман, знающий русла”. Об употреблении в рукописях XVII века см. [Ганькова, 2006, с. 16].

Таблица 1

## Соколы в рассказе Вс. Иванова “Сокол”

| Тип сокола-соколов                                     | Условное обозначение в этой статье | Кому принадлежит                                    | Что с ним происходит                                     | Время действия            | Откуда мы узнаем                             | Характеристика                                              |
|--------------------------------------------------------|------------------------------------|-----------------------------------------------------|----------------------------------------------------------|---------------------------|----------------------------------------------|-------------------------------------------------------------|
| 1. Сокол героя Боккаччо                                | $C_6$                              | Герою новеллы Боккаччо                              | Он был съеден                                            | До написания “Декамерона” | Из разговора Мальпроста с Филиппом           | Кавалер любил сокола безмерно                               |
| 2. Государевы соколы на судне                          | $C_{ц2}$                           | Царю Алексею Михайловичу                            | Он их дарит персидскому шаху; они на ладье едут в Персию | Время рассказа            | Из их описания и разговоров о них в рассказе | Прекрасны, атласно-белы, один цвета белого рога, редкостный |
| 3. Съеденный царский сокол Носник                      | $C_{ц1}$                           | Царю Алексею Михайловичу, который его подарил князю | Князь Подзольев его съел                                 | 15 лет до рассказа        | Из рассказов Мальпроста и самого князя       | Любимый царем редчайший белый кречет с севера               |
| 4. Соколы князя                                        | $C_{кн}$                           | Князю                                               | Они показаны во время соколиной охоты и в покоях         | Время рассказа            | Описание в рассказе                          | Добрые, настоящие безукорные соколы                         |
| 5. Сокол, выращиваемый князем Подзольевым в его мечтах | $C_{кн\ буд}$                      | Князю Подзольеву                                    | Он растет в мечтах князя                                 | В нереальном будущем      | Со слов князя                                | “Такой сокол, которого не было ни у кого”, лучше Носника    |

приход к Федериги; а бедность Федериги и желание угостить пришедшую к нему даму объясняют единственный возможный для него выход – дать ей кушанье из сокола. У Иванова мотив ребенка отсутствует, и вместо любви дамы к сыну появляется женский каприз, которому князь повиновался, в чем и не перестает раскаиваться. Иванова в это время в его теоретических заготовках к книге по теории сюжета занимала тема совершенной героиней ошибки [Неизвестный... 2010, с. 477, 488]. Князь непрестанно думает о совершенной им ошибке – съеденный царский сокол привел к немилости государя и концу всей княжеской карьеры.

Герои рассказа группируются вокруг соколиной темы. Князь Подзолев (П-Рус 1) – главный персонаж. На его истории в новом российском повороте реализуется заимствованный у Боккаччо мотив съеденного сокола. Князь характеризуется своей затаенной тоской и печалью по поводу вызванной его неосмотрительным поступком царской немилости и ее следствий. Второй по значимости персонаж – Мальпроста (М-Ит 2). Ему автор вверяет задачу главного распорядителя информацией и наблюдателя. Мальпроста (пусть с большими изменениями) пересказывает сюжет новеллы Боккаччо. Он знает об итальянской соколиной охоте<sup>8</sup> и поэтому так внимательно и со знанием дела знакомится с особенностями соколиного “баловства”, которое создал у себя в имении князь. Не только содержание соколов князя в отведенных для них покоях, но и сама княжеская соколиная охота показаны через восприятие их молодым итальянцем. В этом смысле Иванов следует давней русской традиции (особенно видной у русских историков) показа России и ее прошлого глазами чужеземцев, ее посетивших. Но не только соколы, человеческие чувства оцениваются этим всеведущим наблюдателем. Мальпроста мечтает о женской любви и придает ей большое значение. Он сочувствует князю как пострадавшему от жертвы, которую тот принес любви.

Мессер Филипп Анзолетто (А-Ит 1) предстает как противоположность младшему своему сотоварищу. У них полярно различающиеся взгляды на Боккаччо, его новеллы и на саму любовь. Сходство лишь в профессии, в пути на родину и в желании вернуться там к счастливой жизни, но здесь оптимизм Мальпроста опять выявляет их различие – не только в возрасте, но и в человеческом типе, сказавшемся и в отношении к любви (см. табл. 2).

Среди русских персонажей рассказа князю, одержимому тоской по совершенной ошибке и несбывшимся честолюбивым замыслам, противостоит всегда уравновешенный румяный воевода Одудовский (О-Рус 2). Его житейская философия требует примирения с действительностью, смирения и молчания. Он во всем расходится с темпераментным князем. Ему хочется всех развеселить и унять тоску князя. Он не во всем удачлив: ему не удалось выдать замуж дочь, которая вместе с женой следует с ним до Персии. К концу дня, проведенного в имении князя, он устает и хочет спать (о различии главных русских героев рассказа см. табл. 3).

В рассказе Иванов использовал изученный им словарь русской соколиной охоты: с его помощью описаны в имении князя «сокола с “опутенками” на лапах и с *клобучками* из мягкой кожи, закрывающими глаза, чтобы до самого “пуска” не видали они птицы». Такие детали, как синий колпачок сокола, показаны глазами разбирающегося в соколиной охоте молодого итальянца, который как специалист по кожевенному делу восхищается кожей *клобучков* в покоях для воспитания соколов в имении князя. В “Уряднике соколиного пути” описывается такой *клобучек* и как часть парадного наряда кречета: “*клобучекъ, по бархату червчетоу шить серебромъ с совкою нарядною*”. Соколиные *клобучки* и *колпачки* времени Алексея Михайловича и поныне славятся своей отделкой и составляют украшение музеев.

Молодого итальянца – гостя князя в соколиных покоях привлекают и “широкие *дерюжины* с травой – буде вздумают сокола слететь для прохладения ног... бере-

<sup>8</sup> Оснований для описания флорентийца того времени со знанием соколиной охоты в текстах “Декамерона” достаточно: кроме разбираемой новеллы сошлюсь хотя бы на новеллу четвертого дня, героиней которой “находит удовольствие в ловчих птицах” (далее упомянуты успехи его сокола на охоте).

Различия между главными итальянскими героями рассказа

| Имя               | Условное обозначение в этой статье | Возраст | Отношение к "Декамерону" Боккаччо | Отношение к любви и женщинам | Отношение к религии                 | Отношение к информации                 | Отношение к соколиной охоте                                                                                                  |
|-------------------|------------------------------------|---------|-----------------------------------|------------------------------|-------------------------------------|----------------------------------------|------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| Филипп Андзолетто | (А-Ит 1)                           | Стар    | Резко отрицательное               | Ревнует молодую жену         | Ханжа; думает жертвовать на церковь | Ссылается на церковные тексты и обряды | Слушает и обсуждает истории $C_6$ и $C_{ц1}$ ; к жертве ради любви относится отрицательно                                    |
| Мальпроста        | (М-Ит 2)                           | Молод   | Восторженное                      | Полон надежд                 | Нейтральное                         | Открыт для новой информации            | Знает по Флоренции; восторгается соколиной охотой князя $C_{кн}$ и обсуждает с А-Ит 1 и с П-Рус 1 съеденного сокола $C_{ц1}$ |

Различия между главными русскими героями рассказа

| Титул и имя        | Условное обозначение в этой статье | Основное настроение | Отношения с царем            | Отношение к соколиной охоте                                                                      | Отношение к религии                                | Отношения с женой                               |
|--------------------|------------------------------------|---------------------|------------------------------|--------------------------------------------------------------------------------------------------|----------------------------------------------------|-------------------------------------------------|
| Князь Подзолев     | П-Рус 1                            | Мрачное             | Страдает от немиловости царя | Съел сокола $C_{ц1}$ ; содержит своих соколов $C_{кн}$ ; надеется вырастить сокола $C_{кн}$ буд  | Нейтрален                                          | Ненавидит, ругает всячески, винит в своих бедах |
| Воевода Одуловский | О-Рус 2                            | Веселое             | На царской службе успешен    | Сопровождает во главе эскорта государевых соколов $C_{ц2}$ как подарок персидскому шаху на судне | Ссылается на образцы смирения в церковной традиции | Везет ее и дочку на ладье в Персию              |



зовые *жерди*, тоже для *соколиного баловства*”. “Прохлаждение ног” применительно к дивным соколам Алексея Михайловича в своих пояснениях к его “Уряднику” описет Аксаков, чьи слова о кречетах отца Аксакова отзвучат в рассказе Иванова: «Оба кречета жили в одной большой клетке, загороженной из частокола на родниковом ключе, и... в жаркое время кречета сидели, погрузив ноги в холодную воду. Охотники объясняли мне, что кречет птица сибирская, о чем упоминается не один раз в книге “Соколиного пути”, что он чувствует такой жар и зуд в ногах, что в летнее время без холодной воды жить не может; что станет щипать и рвать носом свои пальцы и так их изранит, что, наконец, околеет» [Аксаков, 1966, с. 169].

В беседе с князем Мальпроста обнаруживает знание признаков хорошего сокола: «...и должны быть у него толстые “*еми*”, лапы». В описании наблюдаемой им княжеской соколиной охоты ловчие птицы и использующие их охотники показаны в действии: «...скачут всадники, махая “*вабилами*”, слышан стук трещоток и рокот тулумбасов, поднимающих птицу с воды, все еще сокола делают “*ставки*”, стремительно ударяя птицу сверху». “Вабила” упоминает Аксаков, повествуя, как копчик “привыкнет совершенно и будет ходить на руку даже без *вабила* (кусок мяса)”. Напомню еще из Аксакова: “оба кречета (оба самки) ловили чудесно и ... они бьют птицу по-соколиному, устремляясь на свою добычу сверху вниз”, “Лучшим соколом считается тот, который высоко ходит и, взобравшись кругами в поднебесье, делает там *ставку*, то есть становится неподвижно в воздухе, не поднимаясь уже кверху” [Аксаков, 1966, с. 167].

Этот специальный словарь не выглядит изолированно. В рассказе мелькают и особые слова судоходного языка (“*гай*”), и коневодческие термины (“*неук*” – о необъезженной лошади, с которой потом князь сравнит свою нелюбимую жену).

В этом рассказе середины 1940-х гг. Иванов развивает стилистические черты, сложившиеся еще за 20 лет до того в книге “Тайное тайных”, – внимание к психологии героев, особенно к их затаенным помыслам, тщательность воспроизведения эмоционального колорита восприятия мира, подробности описаний как у И. Бунина (в том числе персонажей вне сюжета, как босоногий мужик-великан у судна: этот подробно описанный – вплоть до ногтей на босых ногах – персонаж никак не связан с основной фабулой и в этом отношении отвечает принципам метонимического реализма по Р. Якобсону [Якобсон, 1987; Иванов, 1998, с. 269]). От Боккаччо отличает и строгое проведение принципа единства времени – несколько часов в одном месте, все остальное узнается в разговорах, протекающих за те же считанные часы ограниченного хронотопа. О жене князя мы черпаем сведения только из разговора с Мальпроста, когда князь говорит о ней грубо и пренебрежительно. Виртуальным героем рассказа остается царь, о настроениях которого не раз говорят персонажи, чья судьба им определяется (князь задает вопрос об этом итальянцам, но Мальпроста на него не отвечает).

Как и в своих ранних произведениях времени работы с серапионами в Петрограде после конца гражданской войны (ср. [Иванов, 2000]), Иванов изощрен в подборе цветowych эпитетов. Белизна главных предметов описания – соколов не раз упоминалась как залог их красоты всеми о них писавшими. Иванов вторит этому в своих цветowych описаниях соколов: “редчайшего *белого* кречета”, “как они (кречеты) *атласно-белы*”; “весь *цвета белого рога* (кречет)”; но белые и другие птицы – летят “*молочно-белые* чайки”, “В изразцовых печах – по *белому* фону *синие* птицы”; да и сокол “в *синем* колпачке”. Кони под стать птицам: мы видим “игреневых, *изжелта-рыжих*, с *белой* гривой и *белым* хвостом”, “глядели *чало-пегих*”, “редкого *чубарого* коня, имеющего по *белой* шерсти *рыжие* пятна, а хвост и гриву *черные*...”. В том же цветовом ряду “однорядка *песочного* цвета с *золотою* строкою”. Но, не ограничиваясь этими предметами, Иванов передает и цвета, и краски других героев и вещей: мелькает цветная одежда – “*пестрая* челядь княжья”, мы видим “*алую* ленту”, “*разноцветные* шелка”; “*Дивно алые* кисти у его кушака”; “*лазорево-синие* атласные штаны”, “*шарлахово-алый* кафтан”, “*ярко-зеленый* кафтан”.

Одежда соединяется с цветом лица и тела в одном словесном портрете: “*румяный*, в *белой* длинной рубаше” (о воеводе Одудовском); “кисти его рук *белы*”. Иной раз у

людей лица диковинного цвета: “от печей с лицами *ежевичного* цвета”, цвет лица человека говорит о многом: “стал *розов и румян*”. Черты лица, даже и непримечательные или непривлекательные, загораются на этом общем цветовом живописном фоне: “лицо ... нездоровое, *аспидно-серого* цвета”, “*пемзовые* сухие глаза”; “с *красными*, воспаленными глазами”, “*красный*, воспаленный взор”.

Предметы охарактеризованы порой бегло, но входят в цветовые соотношения с другими частями описания: радуют глаз “*смоляно-бурые*... избы”. Для птиц “хоромы... в больших *махрово-красных* цветах, а от пояса в мелких *эмалево-зеленых* листочках. Мебель *под цвет*”. В пестром разнообразии выделяются вдруг здания “с *тускло-сумрачными* крестами”. Но иные метафоры ведут в церковь: “в *оранжево-красной* ризе”, “в *бронзово-серой* дымке ладана”. В особенности в начале повествования и к его концу автор не жалеет красок для пейзажей: “грузной, *пепельно-серой* волне”, “*пепельно-серые* копны песка, медленно тающего в воде”, “словно *затканные серебром* воды таинственной русской реки”, река контрастирует с цветовой росписью ладьи: “в *блеклых* волнах *оранжевую* русалку”; надо всем горит метафорический “густой *дремо-пунцовый* огонь”.

Особенно примечательны сложные прилагательные, иногда с неожиданной и редкой первой частью: в конце рассказа возникает картина – “за *кораллово-красным* лесом, над которым висело *темно-пурпуровое* солнце”.

Узорчатая цветная ткань и словесная живопись рассказа отвечает колориту парадного снаряжения русской соколиной охоты. Так, до нас в качестве музейных экспонатов дошли дивные цветные рукавицы, которыми одаряли сокольников согласно “Уряднику”.

Расцвет русской соколиной охоты приходится на царствование Алексея Михайловича, к которому отнесено действие рассказа Иванова. Значение соколиной охоты в тот период подчеркивается тем, что сам царь был автором сочинения об этом виде занятий или его утвердил. Жизнь на Руси в то время Иванову представляется безмерно зажиточной и пышной, как в имении у князя. Отпечаток этой пышности есть и в регламенте соколиного пути Алексея Михайловича. Неумеренная тяга к ярким нарядам людей и птиц, к игре с соколами как со знатными особами, в “Уряднике” читающаяся как гротескная пародия на обряд (в духе потешных действий сына царя, соколиную охоту, впрочем, не жаловавшего), частично отражена и в “соколином баловстве” покоев князя Подзолбева.

Соколиная охота еще в Древней Руси стала занятием князей и метафорически – их певцов уже в “Слове о полку Игореве” (пальцы Бояна на струнах как соколы звучат дальше вплоть до конца Серебряного века – в “Человеке” В. Маяковского, где “голос – охоты поэта сокол”, в сердце молодого Б. Пастернака, добывшем кровь с неба, как сокол, и в позднем перепеве Н. Асеева – “Не десять соколов На стаю лебедей...”).

Можно думать, что вниманием к эстетической стороне соколиной охоты Древняя Русь времени “Слова о полку Игореве” обязана Византии. В совсем новых исследованиях истории Византии [Maguire, 2011] показывают, что в XII в. император мыслился искусным властителем и как сокольник – в равной мере для людей и птиц. Об этом говорят и тексты, и памятники искусства, и птичьи бои на ипподроме. В одном из сочинений упоминается сокол византийского императора родом из Грузии. Но кроме Кавказа, можно думать и о других окрестных областях, где в ту пору процветала княжеская и царская соколиная охота. Ее как потеху высшей власти знает вся средневековая Евразия вплоть до Китая Танской эпохи [Shafer, 1958] с едва ли правдоподобным предположением монгольского или маньчжурского исходного источника.

В Европу соколиная охота как забава высшего сословия проникает в Средние века под арабским влиянием, и здесь она постепенно становится все весомее, перед выходом из моды достигая вершины, как и в России, к XVII в., что видно и по сочинениям, ей посвященным [Epstein, 1943]. В самое последнее время выявлены наиболее ранние следы почитания соколиной охоты богов и лиц высших сословий в Малой Азии. В древнеанатолийской традиции начиная с рубежа III и II тыс. до н.э., известны изоб-

ражения Бога дикой природы с особого рода символическим орудием (хеттск. *kalmus*, позднее “посох, лат. *lituus*” [Burney, 2004, p. 178], с помощью которого, как на подставке, он держит сокола [Osten-Sacken, 1988; Reiter, 1988; 1989; Mahon Mac, 1991; Özgüç, 1993]. На основании этих и других подобных свидетельств был сделан вывод о наличии у хеттов соколиной охоты во II тыс. до н.э. [Canby, 2002]. Продолжение этой анатolianской традиции в лувийских княжествах начала I тыс. до н.э. свидетельствуется хранящейся в Лувре погребальной стелой из Мараша (Юго-Восточной Малой Азии, конец VIII в. до н.э., когда о соколиной охоте есть уже свидетельства и по соседству – в Ассирии времен Саргона II) с иероглифической лувийской надписью *Tarhun-piya* = “Бог-дан” наверху и с изображением ребенка, который на особой подставке держит сокола.

Исследователи подчеркивают, что связь с соколом (или, возможно, другой функционально близкой птицей) была чертой ребенка самого высшего общественного слоя [Gilibert, 2011, p. 127, fig. 63]. Кажется возможным, что, как и некоторые другие древнемалоазиатские птичьи символы сакрального и государственного характера (в частности, двуглавый орел), этот соколиный символ был из древней Малой Азии хетто-лувийского времени перенесен в Византию, а оттуда был заимствован и в Древнюю Русь<sup>9</sup>. В этом случае еще более очевидно, что при всем изменении символики роль соколиной охоты как особого царского занятия на Руси восходит к глубокой древности<sup>10</sup>. Иванову, сосредоточившему в “Фантастических рассказах” свое внимание на древних архетипах, и здесь не изменила его интуиция.

В рассказе Иванова молодой итальянец Мальпроста в продолжении фабулы на протяжении 300 лет видит свидетельство бессмертности искусства. Эта мысль близка Иванову самим подбором мотивов и тем (волшебная лампа Аладдина, камень Сизифа, вечный жид Агасфер), воплощающих в цикле “Фантастических рассказов” идею неиссякаемой преемственности в литературе. Но вместе с тем, в рассказе “Сокол” Иванов различие сюжетов показывает, насколько в России феодальная структура целого перераспределяет возможности личности, всегда себя сознающей внутри иерархии. Но именно этим его рассказ оказывается более прямым наследником самых древних черт соколиной охоты, уже переименованной в духе нового времени в новелле Боккаччо, где выдвигаются на первый план имущественные и сентиментальные отношения, которых не было в исходной схеме социального использования подобных символов княжеской и царской власти в древней и средневековой Евразии.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аксаков С.Т. Пояснительная заметка к “Уряднику сокольничья пути” // Аксаков С.Т. Собр. соч. В 5 т. Т. 5. М., 1966.

Веселовский А.Н. Боккаччо, его среда и сверстники // Веселовский А.Н. Собр. соч. Т. 6–7. Пг., 1919.

Ганькова Е.Г. Приходо-расходные книги северорусских монастырей как жанр деловой письменности допетровского времени (на материале рукописей Николо-Корельского монастыря). Автореф. канд. дисс ... Архангельск, 2006.

Иванов Вяч.Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. I. М., 1998.

Иванов Вяч.Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. II. М., 2000.

<sup>9</sup> В связи с открывающейся возможностью подобных хетто-(восточно-)славянских связей можно напомнить и об остроумной гипотезе Я. Отрембского, сравнившего хеттское экспрессивное редуцированное ономотопозитическое название “сокола” *kalli-kalli* со славянским *\*sokolъ* (предположительно из *\*k'okolъ* < *\*k'okolъ* с диссимилиацией исходной формы с перфектной нормальной редупликацией [Ivanov, 2008]). О типологической вероятности игры на звуко-смысловых соответствиях в этом слове и ему подобных говорят строки Мандельштама “Я около Кольцова Как сокол закольцован” [Мандельштам, 2009, с. 217].

<sup>10</sup> Возникает вопрос: нельзя ли некоторые подробности обряда, зафиксированного в “Уряднике”, отнести к древнему архетипу, а не только к почти патологически гротескной фантазии Алексея Михайловича, в этих потехах сходного с Петром Великим? В частности, кормление кречетов живой птицей в конце обряда напоминает сцены на ипподроме, описанные византийскими текстами XII в., где можно видеть и оживление архаических представлений о птицах как тотемах.

- Кутепов Н.И.* Царская охота на Руси. В 4 т. СПб., 1896–1911.
- Мандельштам О.Э.* Собр. соч. Т. 1. М., 2009.
- Неизвестный Всеволод Иванов. Материалы биографии и творчества. М., 2010.
- Эйхенбаум Б.М.* О. Генри и теория новеллы // *Эйхенбаум Б.М.* Литература. Л., 1927.
- Якобсон Р.* Работы по поэтике. М., 1987.
- Burney Ch. A.* Historical Dictionary of the Hittites. Scarecrow Press. 2004.
- Canby J.V.* Falconry (Hawking) in Hittite lands // *Journal of Near Eastern Studies.* 2002. Vol. 61. № 3.
- Epstein H.J.* The Origin and Early History of Falconry // *Isis.* 1943. Vol. 34.
- Gilbert A.* Syro-Hittite Monumental Art and the Archaeology of Performance. Berlin–New York, 2011.
- Ivanov V.* Some Archaisms of the Old Czech Language // *Between Texts, Languages, and Cultures: a Festschrift for Michael Heim.* Slavica Publishers. 2008.
- Maguire H.* Signs and Symbols of Your Always Victorious Reign. The Political Ideology and Meaning of Falconry in Byzantium // *Images of the Byzantine World. – Visions, Messages and Meanings: Studies Presented to Leslie Brubaker.* The Open University, UK. 2011.
- Mahon Mac G.* The Hittite State Cult of Tutelary Deities // *Assyriological Studies.* Chicago, 1991. Vol. 25.
- Osten-Sacken E.* Der kleinasiatischer Gott der Wildflur // *Istanbuler Mitteilungen.* 1988. Vol. 38.
- Özgüç T.* Studies in Hittite Relief Vases, Seals, Figurines and Rock Carvings // *Aspects of Arts and Iconography: Anatolia and its Neighbors. Studies in honor of Nimet Özgüç.* Ankara, 1993.
- Reiter K.* Falknerei im Alten Orient? Ein Beitrag zur Geschichte der Falknerei // *Mitteilungen der Deutschen Orientgesellschaft (MDOG).* 1988. Vol. 120.
- Reiter K.* Falknerei im Alten Orient? II. Die Quellen // *Mitteilungen der Deutschen Orientgesellschaft (MDOG).* 1989. Vol. 121.
- Shafer E.H.* Falconry in T'ang Times // *T'oung Pao, Second Series.* 1958. Vol. 46. Livr. 3/5.

© Вяч. Иванов, 2012